

Литература Новгорода XIII—XIV вв.

Введение

С середины XII в. определяется политический и социальный строй Новгорода, резко отличный от строя остальных княжеств Руси. При внешнем демократизме форм управления особенно резко проявляется неравенство экономическое. Господство в Новгороде начинает безраздельно принадлежать боярству, опиравшемуся на свои огромные земельные владения. Значение князя к этому времени падает окончательно: князь остается в Новгороде на договорных началах в роли военного руководителя.

Из двух высших органов власти в Новгороде — веча и совета господ, — только первое могло выражать волю демократических слоев населения, но уже в XIII — начале XIV в. боярской партии путем подкупов и «угощений» удается подчинить его своим интересам. Впрочем, господство боярской партии на новгородском вече не было прочным: в моменты наибольших междуклассовых трений черный люд умел забирать себе большинство на вече, либо создавал второе вече, в другом конце города без боярских «паробков», и тогда в жизни Новгорода происходили бурные потрясения, кончавшиеся обычно разгромом боярских домов, битвами на Волховском мосту и т. д. Однако в вечевых движениях было больше порыва, чем упорства, и черному люду нечего было противопоставить прочно организованной власти совета господ.

Во главе совета господ, как об этом прямо свидетельствуют иностранные путешественники, стоял первый и богатейший феодал области — новгородский архиепископ. Таким образом, внешне управление Новгородом принадлежало главе новгородской церкви, однако по сути дела власть в Новгороде была чисто светской, и сама организация новгородской церкви была подчинена светским интересам. Новгородский епископ выбирался жителями города, — это не был ставленник митрополита всея Руси, — и в его обязанности входил ряд светских функций: наблюдение за орудиями веса и мер, участие в суде и т. д. Вместе с тем архиепископ являлся в Новгороде крупнейшим землевладельцем. Он — обладатель богатейшей софийской казны, собственного двора, превосходящего княжеский, в его распоряжении особое войско (владычный полк), свои артели строителей, иконописцев, «паробки» — писцы книг и т. д. В течение ряда столетий архиепископ новгородский покровительствует иностранной торговле, ведет все переговоры с иностранными государствами. Архиепископ

покровительствует книжности и искусствам, добиваясь тем самым популярности среди новгородского населения. Ему принадлежит инициатива в самых разнообразных предприятиях — не только церковных: в 1338 г. он строит новый мост через Волхов, в 1352 г. лично наряжает каменные костры (боевые башни) в Орехове, в 1400 г. закладывает каменный детинец и т. д. Владыки строят церкви, расписывают их с помощью лучших мастеров, выписывают художников, архитекторов, литейщиков, «мастеров порочных» из Греции, из неметчины, Москвы, Пскова и т. д. В Новгороде XIII и особенно XIV в. сменяется целый ряд таких владык-меценатов, с именами которых связаны лучшие памятники новгородского зодчества и монументальной живописи. Главнейшие литературные предприятия Новгорода также выполнялись, главным образом, внутри владычного двора и принадлежали инициативе архиепископа. Такова в первую очередь Новгородская летопись.

Основные события внешнеполитической истории Новгорода XIII—XIV вв. связаны с двумя обстоятельствами: 1) зависимостью Новгорода от Владимиро-Суздальского княжества и 2) борьбой против натиска с Запада ливонских рыцарей, шведов и Литвы.

В 1237 г. плохие дороги и непроходимые болота оградили Новгород от конницы Батыя, ослабевшие отряды которой не рискнули вступать в новую войну. Однако Золотая Орда стремилась подчинить Новгород и обложить его данью наравне с покоренными русскими княжествами. Зимой 1257—1258 гг. и в 1259 г. в Новгород являются татарские баскаки для переписи населения. В Новгороде разгорается восстание: черный люд выступает против бояр, пытавшихся переложить всю тяжесть поборов на «меньших людей»: «творяху бо бояре себе легко, а меньшим зло». Татары принуждены скрыться от народного озлобления. Конфликт Новгорода с Золотой Ордой предусмотрительно предотвращает Александр Невский: разгром Новгорода Ордой мог повлечь за собой подчинение его более страшному врагу — немцам. Новгород с этой поры начинает платить «выход ордынский», становится в политическую зависимость от Владимиро-Суздальского княжества и вступает в борьбу с натиском Швеции и ливонских рыцарей как часть Русской земли. Со времени княжения в Новгороде великого князя Александра Невского, сумевшего завоевать себе на Руси непререкаемый авторитет победами над шведами и немцами, меняется на некоторое время отношение новгородцев к княжеской власти. Военные труды становятся на первое место в государстве Новгорода и за военным руководителем — князем — признается право вмешательства в управление страной. Александр Невский круто обращается с новгородцами, и новгородцы терпят его тяжелую руку, зная, что без него им не обойтись. Включение Новгорода в число подвластных Орде русских феодальных центров, проведенное Александром, сопровождалось признанием Новгородом великих князей, защитников их западного рубежа, — новгородскими князьями. Тем самым был сделан первый шаг к падению новгородской независимости и к усилению власти великих князей владимирских в общей системе русских феодальных княжеств, подвластных Орде.

На конец XIII и на XIV в. приходится расцвет новгородской торговли с Западом и с «Низовской землей» — северо-восточными княжествами, а через них с Золотой Ордой. Не малая роль в торговле с Запа-

дом принадлежала Ганзе и входившим в ее состав городам: Любеку, Риге, Ревелю, Дерпту (Юрьеву) и Висби на острове Готланде. Стремясь сохранить за собой основные пути этой торговли, новгородцы активно обороняют районы по Неве и Луге, которые пытается захватить Швеция.

Первым важнейшим общерусским событием, предопределившим собою падение новгородской независимости, была битва на Куликовом поле. Битва эта, в которой отсутствие войск Новгорода не прошло незамеченным, необычайно подняла авторитет Москвы, ясно указав тот центр, вокруг которого должно было совершиться политическое объединение Руси.

В конце XIV в. намечаются важные изменения в расстановке классовых сил в Новгороде. На политическую арену выдвигаются средние торгово-промышленные слои городского населения — «житьи люди», совместно с купцами и черными людьми выступающие против боярства, тянущие к Москве и к твердой княжеской власти. Все сильнее становятся противоречия новгородских классов, все чаще городские восстания; все уже круг боярских фамилий, стоявших во главе управления, все шире система подкупа «худых мужиков вечников».

Близким и неизбежным становилось падение новгородской независимости, неизбежным и потому, что Новгород сам в себе растил семена разложения, и потому, что на Востоке в непосредственном соседстве с основными новгородскими колониями вырастал прочный центр национального объединения — Москва.

В картине византийского города характерной чертой были подавляющие размеры главной патрональной святыни, хорошо видной из разных частей города благодаря радиально сходящимся к ней улицам. Таким городом был Константинополь с главным собором Софии в центре, таким городом была первоначально византийская Венеция с собором св. Марка. Таким же городом на первых порах своего существования был и Новгород, раскинувшийся по обоим берегам широкого и полноводного Волхова вокруг церкви Софии. Сравнительно рано, в первой половине XII в., Новгород изменяет свой старый облик и в необычайно короткий срок приобретает те основные свои постройки, которые определили новую структуру города, подсказав его дальнейшее архитектурное развитие: кольцо форпостов-монастырей на некотором расстоянии от Новгорода с двумя главнейшими на юге и севере — Антониевым (собор 1116 г.) и Юрьевым (собор 1119 г.), детинец вокруг Софии и, наконец, второй городской центр на противоположном Софии берегу — Ярославово дворище с Никольским собором (1113 г.) посередине. Дальнейшее строительство в Новгороде шло по пути создания более мелких центров: уличанских и кончанских церквей, объединявших вокруг себя политические корпорации уличан — жителей одной улицы или братчину — корпорацию купцов.

Таким образом, Новгород приобретает типичную для феодального города дробность планировки и пестроту социальной топографии. Естественно, что строительство, перешедшее в XII в. из рук князя в руки бояр, корпораций купцов, ремесленников, уличан, должно было изменить свои монументальные и грандиозные формы на более интимные и замкнутые. К концу XII — началу XIII в. церковные здания приобретают устойчивую типологию: это попрежнему простые, лишённые декоративных элементов, конструктивно ясные постройки, пластичные по фактуре своей

грубоватой кладки, но уже лишенные былой грандиозности, и обычно небольшие храмы. В противоположность постройкам предшествующей поры с великолепными, хорошо освещенными хорами для привилегированной части общества — князя и его приближенных, новые республиканские зодчие воздвигают скромные деревянные хоры служебного значения. Законченный образец такого интимного небольшого храма конца XII в. — Нередица.

В первой половине XIII в. наблюдается упадок в строительной деятельности Новгорода. Новгородское искусство этой поры нам почти неизвестно. Татаро-монгольское нашествие окончательно отрезало торговые пути на юг, в Византию. Новгородская торговля испытывает значительный кризис, из которого только в XIV в. Новгород находит выход в торговле с Западом через Ганзейский союз и с Востоком через Суздальско-Владимирский край. Конец XIII в., время исканий выхода из экономического оскудения, приносит новые веяния, идущие от романского искусства Запада. Отсутствие средств, не позволявшее строить дорогие стоящие волнистые кровли, требовавшие для своего покрытия свинца, и заимствования с романского Запада — приводят к введению нового типа — восьмискатных кровель, сближающих также силуэт храма с формами деревянной архитектуры; гладь церковной стены начинает приобретать вначале скупую декоративную разделку. Первый образец этого нового храма XIII в., позднее прочно укрепившегося и развившегося в Новгороде в период расцвета новгородского зодчества, — церковь Николы Липного.

В середине XIV в. архитектура Новгорода достигает значительного совершенства. Новгород быстро обстраивается замечательными зданиями, большинство которых относится ко времени мецената-архиепископа Моисея. Четыре церкви, прославленные своими фресками, являются одновременно лучшими проявлениями новгородского зодчества периода его расцвета: это церкви Успения в Володове (1352), церковь Сквородского монастыря (1355), Федора Стратилата на Торговой стороне (1360—1381) и Спаса на Ильине (1374). Церковь Спаса Преображения на Ильине улице — наиболее пышная из построек Новгорода XIV в. Освобожденная от позднейших пристроек и реставрированная в 1920-х годах, церковь Спаса является одной из самых больших достопримечательностей Новгорода. Летопись сохранила нам имена лиц, «трудившихся» над ее украшением: это «боярин Василий Данилович, со уличаны Ильины улицы», художественному вкусу которых мы обязаны приглашением для ее росписи Феофана Грека. Декоративная разделка стен этой церкви напоминает народную резьбу по дереву или кости. Узор, однако, не мельчится, умело рассчитан на различимость издалека, прост и не уменьшает впечатления от монументальности сооружения. Впечатление богатства и пестроты создается самыми скупыми и лаконичными средствами.

Архитектурные сооружения Новгорода эпохи его расцвета напоминают простые и скромные футляры, скрывающие драгоценную роспись внутренних стен. Большие пространства этих стен, освобожденные от всяких деталей, представляют собой идеально подготовленные площади для покрывающих их снизу и доверху фресок, в изумительном разнообразии и мастерстве которых проявился настоящий художественный темперамент новгородцев.

XIV век — время расцвета в Новгороде фресковой живописи, расцвета, подготовленного всем предшествующим развитием новгородского искусства. Замечательные фрески новгородской Софии, Нередицы и открытые в 1920-х и 1930-х годах фрески Юрьева монастыря, Антониева

монастыря и, в особенности, церкви в Аркажах показывают, на каком высоком уровне развития стояла фресковая живопись в Новгороде XII в. Именно к фреске испытывали новгородцы наибольшую тягу, навсегда отказываясь от мозаики и постепенно вырабатывая сложные технические приемы подготовки стены под живопись, извести, красок и т. д., совершенству которых мы обязаны сохранностью стеновых росписей, несмотря на последующие варварские побелки и штукатурки XVIII и XIX вв. В развитии новгородской фресковой живописи особенное значение имело обычное для Новгорода взаимодействие с искусством Запада, в процессе которого вырабатывались во всех областях самобытные формы новгородского искусства. Для росписей своих церквей новгородцы нередко приглашали греков. Самих новгородцев звали для расписывания церковей Ганзейской колонии в Новгороде. Новгородские мастера ездили в Золотую Орду. Новгородские фрески частично сохранились на острове Готланде и в городе Висби, в старой Польше, в Кракове и др.

В предшествующий период, в XI—XII вв., новгородская фресковая живопись во многом сохраняла еще формы, выработанные на материале мозаики: фасное расположение неподвижных, как бы застывших фигур, устремленный прямо на зрителя взгляд «ликов», разобщенность фигур между собой, контрастную и однотонную раскраску отдельных плоскостей, симметричность построения композиций и т. д. Некоторый сдвиг к более сложному построению композиций заметен в плохо сохранившихся фресках Николая Липного. Полный переворот в характере фресковой живописи наступает в XIV веке, исключительно богатом памятниками. В цикле фресок Спаса на Ильине, Федора Стратилата, Волотова, Рождества на Кладбище и в последних (1937—1938) любопытнейших находках Михайло-Сковородского монастыря выступает во всей своей сложности и разнообразии виртуозная по исполнению классическая фресковая живопись Новгорода.

Расцвет фресковой живописи XIV в. был во многом обусловлен мировыми связями Новгорода. XIV век — эпоха возрождения живописных традиций античности не только в Италии, но и в Византии, в старой Сербии, в Закавказье. Могучие токи этого движения в полной мере захватили и Новгород.¹

Наблюдение природы, которое внесли в свое искусство Чимабуэ, Джотто, Дуччио, естественный ландшафт, натуральные человеческие фигуры, готическая разделка зданий, перспектива и светотень сочетались на византийской почве с некоторым возрождением эллинистических и античных традиций в искусстве Палеологов. Византийская живопись этой поры начинает изображать сложные сюжеты, вводит движение в композиции.

Некоторые элементы этого искусства вырождаются, однако, на русской почве в шаблон и условность, не будучи поддержаны конкретным наблюдением. Таков прежде всего обычный в искусстве Возрождения горный пейзаж, восходящий еще к античности, но непонятный в Новгороде. Типичные в искусстве треченто уступчатые скалистые горки — в Новгороде приобретают условные омертвелые формы, зигзагообразный изломанный контур. Такими же условными и безжизненными становятся и архитектурные формы, сохраняющие чуждые Новгороду элементы «алек-

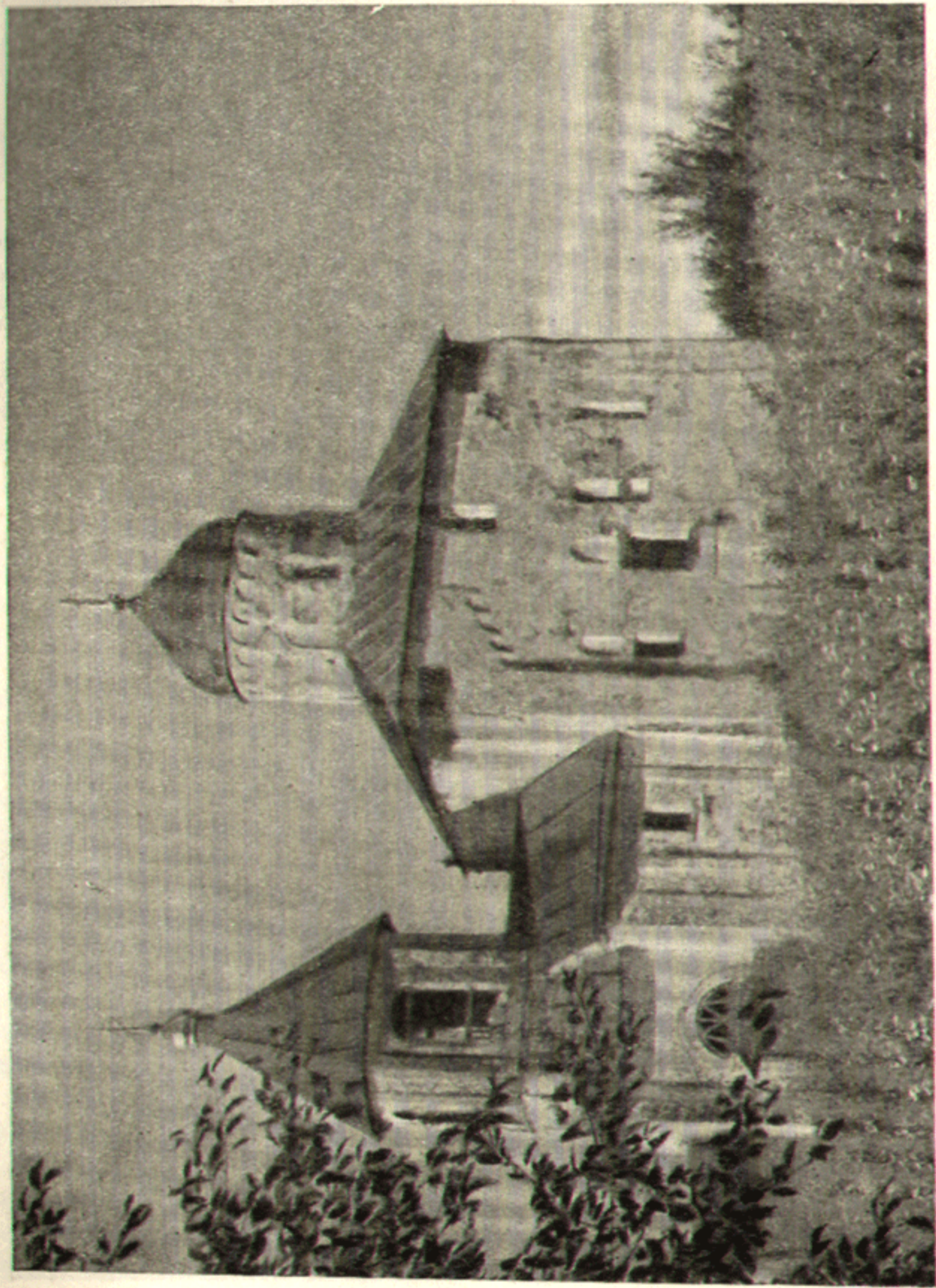
¹ Во время Великой Отечественной войны немецко-фашистскими вандалами разрушены церкви: Успения в Волотове, в Ковалево, Михайло-Сковородский монастырь, Спас Нередицы; сильно повреждены София, церкви Спас в Аркажах, Спас на Ильине и другие памятники древности.

сандрийской» архитектуры, частично находящей себе аналогии в помпейских фресках (мотив перекинутого от дома к одиноко стоящей колонне занавеса, мотив атриума, опирающегося на четыре колонны и перекрытого шатровым или двускатным навесом, и др.). Процесс выработки этих шаблонов начался еще в Византии и на русской почве локализовался в области ландшафта и архитектурного пейзажа. С другой стороны, необыкновенного искусства достигает мастерство новгородских художников в обрисовке отдельных фигур, в составлении композиций, в передаче движений и в силе колорита. Широкие и плавные жесты, легко стремящиеся друг к другу несколько удлиненные фигуры, волнующиеся по ветру одежды в многочисленных и беспокойных складках характерны для новгородских фресок этой поры, сделавших значительные шаги в направлении к жизненному отображению действительности.

Живопись Новгорода XIV в. попрежнему имеет дело с условным пространством, абстрактным архитектурным пейзажем идеального религиозного мира, однако для изображения этого мира новгородские мастера начинают пользоваться некоторыми наблюдениями жизненных движений, поз, поворотов, заставляют свои объекты жить какой-то внутренней жизнью, передают психологические переживания и т. д. Религиозные сюжеты трактуются менее торжественно — интимнее, проще, обыденнее. Особенно сильные изменения претерпел в XIV в. тип богородицы, из величественной «царицы небесной» превратившейся в человеческую фигуру скорбной матери отрока (Волотова). Детальные наблюдения Д. В. Айналова над трактовкой отдельных сюжетов установили родственность многих произведений новгородской живописи искусству Венеции, в частности росписям собора св. Марка.

Не малая доля в этом интенсивном художественном движении Новгорода XIV в. принадлежит замечательному мастеру эпохи Возрождения, Феофану Греку. По словам Епифания Премудрого, оставившего нам восторженный панегирик Феофану, всего им было расписано до 40 каменных церквей.

Более 30 лет прожил Феофан в России, не только уча, но и учась. Как и многие из приезжавших впоследствии в Россию художников, Феофан не остался одиноким и непонятым художником, подпал под мощное воздействие русской художественной традиции и, вместе с тем, как нельзя более во-время сумел привить ей много нового и жизненно необходимого. Епифаний Премудрый называет в своем письме Феофана Грека «изографом» и отмечает его дар сочинять и рисовать от себя без помощи образцов и «переводов». Характерная особенность искусства Феофана, как мы можем судить о нем на основании сохранившихся от него росписей в Новгороде в церкви Спаса на Ильине, состоит в необыкновенной уверенности его мазка, широте и твердости письма. Чрезвычайно богатый живописный опыт, умение рассчитывать расстояние, с которого будет обозреваться его работа, реалистическая трактовка голов и чутье колориста отличают Феофана. Епифаний отмечает, что Феофан, работая, «ногама же без покая стояше». В этом наблюдении Епифания мы узнаем характерную манеру художника-монументалиста, которому приходилось все время отступать от своей работы, чтобы обозреть ее со стороны. Фреска требовала умения быстро работать по сырой еще штукатурке и заранее твердо держать в уме точный план всей росписи, так как изменять что-либо в письме было бы уже поздно. Импрессионистические приемы роднят фрески Феофана с эллинистической живописью. Фрески Волотова (1363) еще в большей мере, чем фрески Спаса на Ильине, отличаются эллини-

10. Церковь Николы Липного, 1292 г., близ Новгорода.

11. Церковь Успения в Волокове, 1352 г.

стическим импрессионизмом и эскизностью приемов, декоративностью и мастерством в передаче движения. Появляются изображения ктиторов храма, архиепископа Моисея и архиепископа Алексея, имеющие, повидимому, некоторое портретное сходство; появляется тип западной мадонны — «Умиление». В росписях находят себе место легендарные сюжеты. В частности, одна из композиций иллюстрирует легенду о Христе, явившемся в образе нищего к дверям храма. Жизненны и естественны позы пирующих, их одежды современны, возможно даже следуют правилам моды.

Иной характер имеют фрески Ковалева. Рисунок их тяжелее, тона глуше, но лица выразительнее и реалистичнее. Фрески Ковалева принято сопоставлять с одновременными им росписями сербских храмов.

Интересным дополнением к перечисленным фрескам являются фрески новгородской церкви Рождества на Кладбище и недавно открытые фрески Сквородского монастыря. Фрески церкви Рождества выражают стремление к более отчетливому письму, к многоцветности, к измельчанию рисунка. Теми же особенностями отличаются фрески Сквородского монастыря, выдержанные в синевато-фиолетовых, зеленоватых и желто-оранжевых тонах. И те и другие представляют собой переходный тип к новгородским фрескам XV в.

В XIII в. в Европе широко развивается живопись темперой (яичными красками). Техника этой живописи, восходящей к античности, издавна применялась на Руси. Начиная с XIII в., живопись темперой получает дальнейший толчок к развитию. Расцвет новгородского искусства XIV в. был также расцветом и новгородской иконописи, широко известной благодаря своим колористическим данным. Сложная техника иконного письма, с чрезвычайным трудом допускавшая ломку установившихся приемов, не позволяла иконе развиваться с той стремительностью, с которой развивалась в XIV в. фресковая живопись. Характерной особенностью иконного письма в период его расцвета является условная, часто даже «обратная» перспектива, почти полное отсутствие объемности, малая пространственная глубина удаления, контрастное сопоставление цветов, особое внимание к изяществу линии и к красоте общих очертаний, часто выходящих за пределы реально существующих. Специальное назначение иконы внесло в ее живопись сильную струю идеализма, условности и отвлеченности. Новгородские иконы XIII в. характеризуются тем же стремлением к монументальности, неподвижности, фасным положениям отдельно стоящих фигур, укрупненными деталями, резкостью и обобщенностью контуров при немногочисленности красок, характерной и для XII—XIII вв. В XIV в. начинаются искания в передаче движений, и художники переходят к составлению более сложных композиций. Образцом новгородской живописи XIV в. может служить икона Покрова (Третьяковская галерея), где грация отдельных фигур и изящество линий не переходят еще в манерность икон XV—XVI вв.

От XIII в. дошло до нас несколько новгородских лицевых (т. е. иллюстрированных) рукописей: Милятино евангелие с плохо сохранившимся изображением Иоанна, Пролог 1262 г., исполненный пономарем церкви Якова Тимофеем, с несколькими миниатюрами, имеющими сходство с передицкими росписями. Передица, повидимому, долго приковыва-

ла художественное внимание новгородцев: в другой лицевой рукописи XIII в., Симоновом евангелии 1270 г., изображения евангелистов напоминают те же росписи.

Уже в XIII в. полностью складывается тот особый тератологический (чудовищный) стиль орнамента, который стал специфической особенностью новгородских рукописей. Еще в так называемой «плетенке» XII в. (в инициалах и заставках) в новгородских рукописях начинают появляться различные плоские стилизованные фигурки зверей, птиц (иногда с человеческой головой — отзвук эллинизма) и людей, иногда аналогичные мелкой каменной и металлической скульптуре. Фантастика этого орнамента, однако, чужда абстрактности и в деталях часто передает довольно натуралистические подробности. В орнаменте этом встречаются гусяры, жонглеры, скоморохи, охотники с соколами, писцы перед книгами, глядящие в окно ротозей, колодники с цепями на ногах; крестьяне с лопатами, воины и т. д. Иногда фигурки сопровождаются подписями, вроде следующих: «гуди гораздо» под гусяром, «огнь руки греет» под человеком, греющим руки у огня, и т. д. В XIV в. тератологический стиль окончательно определяется: рамки приобретают характерный киноварный контур, кое-где оживленный желтыми штрихами, контрастирующими с ярким синим фоном. Наиболее ранняя рукопись этого рода — Апостол 1296 г.

Итак, в искусстве Новгорода XIV в. замечается отход от торжественных и грандиозных форм искусства XI—XII вв. к более интимным переживаниям, к психологической трактовке сюжетов, к изображению движений, к сложным сюжетам и композициям; появляются черты быденной жизни (портреты, одежды), пейзаж (правда, еще условный), натуралистические подробности. Огромный шаг вперед сделала сама техника искусства (строительного, живописного и т. д.). Веяния эпохи Возрождения, зародившиеся почти одновременно на всем пространстве Европы от Кавказа и до Пиренеев, захватывают своими могучими токами и Новгород. Увлечение искусством отразилось в новгородской летописи, в хождениях в Царьград и т. д. В большей мере, чем когда бы то ни было, древняя русская литература находится в живом взаимодействии с искусством. Живопись не только украшает собой страницы рукописей, но сюжеты ее проникают в литературные произведения.

1. Новгородская летопись XIII—XIV вв.

В середине XII в. определяется стиль новгородского летописания в своде Германа Вояты. Круг интересов летописца XII в. довольно определен: это внутренние события городской жизни, постройки церквей, уличные события не слишком большого исторического значения, явления природы, дороговизна, пожары, известия о состоянии хлебов, о покосах сена, об унесенных разливом Волхова дровах, о слышанном летописцем зимой, «в истъбе сидяще», громае и т. д. Германом Воятой был найден стиль новгородского летописания, типичный для XII в. и в значительной мере еще чувствующийся в летописных записях XIII—XIV вв., особенно в тех из погодных статей, которые касаются описания пожаров, голода, моровых поветрий и погоды. Так, например, говоря о голоде, летописец XIII в. попрежнему, как и в XII в., определяет силу его количеством трупов, количество же трупов — по невыносимому смраду, от которого нельзя было пройти «ни по гребли, ни по торгу»; попрежнему летописец

сопровождает свое описание трафаретными нравоучительными отступлениями и восклицаниями. Наконец, в силе же остается и самый тип погодной статьи, выработанный в своде Вояты: лаконичный, скупой, в значительной мере зависящий от юридической деловой речи, скорее реестр событий, чем связный рассказ.

Начало XIII в. производит тем не менее существенный перелом в новгородском летописании. К XIII в. значительно расширяется обычная тематика летописных записей. Летописца начинают интересоваться событиями вне стен его родного города. Появляется понятие Русской земли, до того почти отсутствовавшее в новгородской летописи. Этот интерес новгородского летописания к общерусским событиям впервые возникает в связи с политикой новгородского князя Мстислава Удалого, вовлекшего Новгород в дела северо-восточных княжеств. Последующая зависимость Новгорода от северо-восточных княжеств окончательно прикрепляет внимание летописца к общерусским событиям.

С начала XIII в. Новгородская летопись следит за действиями немцев и татар, а затем и шведов. Сами годовые летописные статьи становятся пространнее, шире описываются в них события городской жизни: борьба классов, вечевые раздоры, отъезды и приглашения князей. Летопись приобретает ту широту письма и обширную осведомленность, которая позволила позднее использовать новгородское летописание при составлении общерусских сводов.

К 30-м годам XIV в. относится составление Синодального списка Новгородской I летописи — одной из наиболее древних и ценных русских летописей. Оригинал Синодального списка составлен около 1330 г. на основании летописи церкви Якова в Неревском конце (над которой в XII в. работал Герман Воята, а в середине XIII в. — пономарь той же церкви Тимофей¹) и владычной летописи, т. е. летописи, ведшейся при дворе новгородского архиепископа (летопись эта уже в XII в. частично была использована в летописи церкви Якова Германом Воятой). Присутствие двух новгородских источников сказывается во многих местах летописи, дублирующей те или иные известия местного характера. Третьим источником оригинала Синодального списка была какая-то северо-восточная летопись. Отсюда попали известия: 1217 г. — о рязанских событиях, 1225 г. — о Калкской битве, 1236 г. — о нашествии Батыя и т. д. Впрочем, вопрос о появлении в Новгородской I летописи общерусских известий, сходных с аналогичными известиями Лаврентьевской летописи, окончательно еще не разрешен.

Однако самый факт этого обмена летописными известиями с другими областями отчетливо показывает, насколько сложным было летописание, требовавшее для своего осуществления сложного литературного общения.

Характерной особенностью Новгородской летописи XIII—XIV вв. является современность записей. От этого Новгородская летопись так не похожа на южное летописание, в котором литературное умение летописца сказывается в постепенном развитии событий и в обильном пользовании литературными источниками. В новгородском летописании редки своды; погодные записи ведутся в нем почти непрерывно, под свежим впечатлением событий. Новгородская летопись иной раз близка по характеру

¹ Тимофей-пономарь сделал о себе запись в Синодальном списке под 1230 г. А. А. Шахматов отождествляет его с Тимофеем-пономарем церкви Якова, переписавшим в 1262 г. Лобковский Пролог.

к дневнику. Описывая голод 1230 г., летописец восклицает: «на уличь скърбь друг с другом, дома тоска, зряще детей, плачюще хлеба и другая умирающа». Во многих случаях новгородский летописец с такой непосредственностью передает события и сопровождает их такими бытовыми деталями, что мы без труда узнаем в нем если не их участника, то во всяком случае очевидца. Описав, например, разрушение Волховского моста льдом, внесенным в Волхов из Ильменя южным ветром, летописец так определяет время этого происшествия: «только успел посадник перейти со всем вецем на торговую сторону»; или, описав землетрясение, прибавляет: «трясеса земля... в обед, а инни уже бяху отъобедали».

Новгородский летописец многого не договаривает, пишет как бы для памяти того, кто был сам участником или свидетелем событий. Большинство записей начинается с определения происшедшего: «бысть мятежь», или «сотворися проторжь» или «ходили люди молодые на Волгу», и т. д. Дальнейшие несколько строк детализируют это общее объявление о случившемся, и на этом обычно известие заканчивается: «В лето 6795. Бысть мятежь велик в Новгороде на Смена Михайловича: вста на него весь Новъгород, без исправы, поидоша на него изо всех концев, яко сильная рать, всякий в оружии, силою великою; жалостно видение! и тако поидоша на двор его, взяша весь дом его с шумом. Симеон прибежа к владыце, и владыка провади в святую Софею; и тако ублюде бог, и заутра снидошася в любовь». В этой характерной для новгородской летописи записи не разъяснено, кто был Симеон Михайлович, почему на него «без исправы» отправился весь Новгород, и что было причиной быстрого примирения с ним новгородцев. Летописец не пишет об этом, как о вещах само собой разумеющихся и, может быть, недостойных упоминания. Это молчание летописца усугубляется еще тем скептическим отношением, которое усиливается в записях летописца из года в год и становится типичным явлением в новгородском летописании XIV в.

В XIII в. летописец нередко еще выступает на стороне черного люда и осуждает бояр. Под 1255 г. летописец рассказывает, как «вятские люди» [бояре] составили «с[о]вет зол, како побед[и]ти меньших, а князя вввести на своей воли». «Меньшии люди» клялись стать всем «любо живот, любо смерть, за правду новгородскую за свою отчину». В 1259 г., когда «окаянные татары сырядци» приехали переписывать новгородцев, летописец с сочувствием описывает волнение «меньших людей», не хотевших платить выкупа татарам и собиравшихся честно умереть за св. Софию. «Творяху бо бояре себе легко, а меньшим зло», — пишет летописец. И в том и в другом из приведенных случаев сочувствие летописца всецело на стороне «меньших людей». Однако, чем дальше, тем яснее определяется скептическое и отрицательное отношение летописца к вечу, к народным волнениям и к тем известиям, которые доходят до его слуха. Рассказывая, как били на вече и затем свергли с моста в Волхов Игната Беска, летописец прибавляет: «творяху бо его перевет державша к Михаилу (князь изменник); а бог то весть». Иногда свое скептическое и недоверчивое отношение к происходящему летописец выражает пословицей: «еже бо сееть человек, то же и пожнеть» или «кто под другом копает яму, сам впадется в ню». Простодушно молит летописец бога, чтобы он покарал грабителей, «оканьны человеци, бога не боящися, ни суда божия помняще»: «въздажь им, господи, по делом их». В 1227 г. новгородцы сожгли на Ярославовом дворе четырех волхвов: «творяху е потворы деюще, а бог весть. В то же лето исписа церковь Святых 40 Вячеслав Малышев внук, а даи бог ему спасение».

Летописец осуждает одних, молится за других, прося им у бога отпущения грехов «в сий век и в будущем», сомневается по поводу верности слышанных им сведений и т. д. Эти сомнения, проклятия и молитвы летописца — несомненные свидетельства современности записей — с необыкновенной остротой передают читателю тревожную атмосферу новгородской жизни, еще не остывшие следы которой постоянно ощущаются в летописи.

Самое умолчание о причинах тех или иных внутригородских свар является одной из форм, в которых летописец выражает свое осуждение междоусобий. Летописец как бы подчеркивает их бессмысленность, их ничтожность. Новгородские междоусобия у летописца всегда начинаются внезапно («восташа весь город», «смятошася людие») или вовсе без поводов, или от какой-либо случайной драки «некоего человека» с боярином. Такое отношение к городским волнениям было, очевидно, довольно обычным в Новгороде. Об этом можно судить хотя бы потому, что и позднейшие былины новгородского цикла устойчиво хранят в себе те же приемы в их изображении.

Однако то, что в былине составляет особый художественный прием, подчеркивающий силу богатыря, способного с немногочисленной «дружинушкой хороброей» замутить весь город, — в летописи отражает позицию представителя новгородской церкви, видящего в городских волнениях лишь «козни дьявола» и только о тех годах записывающего с удовлетворением — «добро бяше христьяном», — в которые ничего не произошло (1254, 1260). Из Новгородской летописи не всегда видно, чтобы летописец принимал сторону бояр или выражал бы интересы господствующих классов населения. Отрицательное отношение к городским раздорам и феодальной несогласованности было, очевидно, плодом усталости от феодальных усобиц и разочарования в вече, ставшем продажным, на котором боролись уже не «младшие» с «вятшими», а по большей части боярские же партии.

Летописец с осуждением повествует о вечевых драках и потому сдержан в приведении деталей, которые оживили бы его рассказ. Он подчеркивает случайность раздоров и неохотно вдается в подробности, но за этим привычным лаконизмом Новгородской летописи мы узнаем те же детали столкновений, которые нам известны и по былинам новгородского цикла: драки на Волховском мосту, где выходила одна сторона против другой, грабеж, в котором принимали участие лихие люди, «иже бога не боятся», не разбиравшие ни своих, ни чужих, участие в драках женщин, примирительная роль владыки, выходившего на Волховский мост прекращать усобицу.

Краткостью и немногословностью отличается Новгородская летопись в описаниях столкновений с немцами и шведами. Летописец верен себе, когда передает совершившееся лишь в нескольких словах, деловито избегая подробностей и литературных распространений. Рассказывая о взятии Юрьева в 1262 г., летописец отмечает: «И бяше град тверд Юрьев, в 3 стены; множество людей в немь всяких, и бяху пристроили собе брань на граде крепку». Однако «ни во что же твердость та бысть, но помощью божиею однимь приступлениемъ взят бысть». Летописец не останавливает своего внимания ни на приступе, ни на деталях похода, объясняя все дело только тем, что «честнаго креста сила и святой Софии всегда низлагаетъ неправду имеющих».

Под 1300 г. летописец рассказывает, как пришли из-за моря в Неву шведы с наместником короля, как привели с собой мастеров из своей

земли и от папы римского и построили в устье Охты над Невою крепость, утвердив ее «твердостью несказанною», поставили метательные орудия, «похвалившись оканьнии, нарекоша его Венець земли», и т. д. Сведения эти вполне точны: маршал Торкель Кнутсон,¹ правивший Швецией вместо малолетнего короля Биргера, сам присутствовал при построении Ландскроны, которой придавалось большое значение.

Любопытную черту прибавляет к военным известиям летописи статья 1348 г., рассказывающая о приходе на Новгород шведского короля Магнуса. «Магнушь, король Свейской земли, прислал к новгородцам, рек: пошлете на съезд свои философ, аз пошлю свои философ, дажь поговорять про веру; а яз то хошу слышети, коя будеть вера лучши: а иже ваша будеть вера лучши, ино аз иду в вашу веру, или паки аще наша вера лучши, и вы поидете в нашу веру, и будем все за един человек; или не поидете в единачьство, и аз хошу ити на вас, с всею моею силою». Получив этот напыщенный вызов короля-рыцаря, новгородцы не стали с ним спорить о вере, а подумав ответили: «аще хощеши уведати, коя вера лучши, наша ли, или ваша, пошли в Царьград к патриарху, зане мы приняли от Грець правоверную веру, а с тобою ся не спираем про веру», и послали к Магнушу для переговоров Аврама тысяцкого и несколько бояр. Магнушь повторил требование перейти в его веру, и война началась. Король осадил новгородскую крепость Орешек в устье Невы, стал крестить окрестных жителей ижорян в свою веру и вскоре взял Орешек. Новгородцы с малою дружиною избивали по частям отряды крестоносцев, а затем одни, без псковичей, не выполнивших обещания помочь, подступили к крепости и взяли ее. На следующий год Магнус снова высадился на русских берегах, но, услышав о приближении новгородской рати, ушел в море, где буря разбила и потопила большинство его кораблей.

В рассказе о приходе на Новгород короля Магнуса отразились различные взгляды на те войны, которые шли между шведами и новгородцами в XIV в. Для первых столкновения с Новгородом давно приобрели обличье религиозной войны: шведы придавали своим завоевательным устремлениям форму крестовых походов. Для новгородцев же эти войны были борьбой за жизненно необходимые пути, за морскую торговлю, за собственную самостоятельность. Новгородцы не вносили в них ничего, кроме деловых соображений, и в целях своих были так же прямодушны, как и последовательны.

Выразительно передана в повести и разность двух культур рыцарства и рационализма шведов и трезвой практичности новгородцев. Высокомерное обращение Магнуса встречает недоуменный ответ новгородцев: «с тобою не спираем про веру, а коя будеть обида, о том шлем к тебе на съезд».

Повесть о приходе Магнуса не вышла из пределов жанра погодной статьи. Летописец-новгородец не развил литературных сторон своего рассказа, слишком следуя событиям и не отступая от привычной для новгородца фактографичности. Шведская хроника не противоречит рассказу новгородской летописи. Известно, что еще в 1344 г. папа Климент IV побуждал Швецию объявить крестовый поход против русских. Король Магнус собрал для похода на Новгород людей со всех концов Европы

¹ Об этом маршале Торкеле Кнутсоне К. Маркс пишет: „Военные походы против русских стоили шведам больших потерь людьми и не дали положительных результатов“ (Архив Маркса и Энгельса, т. V, 1938, стр. 338).

и даже истратил на подготовку этого похода часть папской десятины, но потерпел неудачу.

Позднее, в XV в., в Новгороде создалась легенда о рукописании Магнуса, в котором он будто бы завещал перед смертью своим соотечественникам не тревожить новгородцев. Рыцарское чудачество Магнуса, очевидно, сильно поразило новгородцев, и они приписали этому инициатору крестового похода на Новгород другой, не менее оригинальный призыв, — не касаться Новгорода и его веры. Неудачник рыцарь-крестоносец, принципиальный противник Новгорода, неожиданно сделался в воображении новгородцев не менее принципиальным их защитником, и тут и там проявив себя представителем рыцарской феодальной культуры Запада.

Рассказ Новгородской летописи о приходе на Новгород короля Магнуса показывает, что Новгородская летопись (в целом не меняющая характера изложения на протяжении XIII и XIV вв.) постепенно отходит в конце XIV в. от чересчур сухого, документально-юридического изложения предшествующих лет в сторону большей повествовательности изложения.

Краткость и энергичность прямой речи составляет замечательную особенность Новгородской летописи. Стилистически прямая речь несет при этом иную служебную роль, чем в предшествующем ей летописании киевском. В дошедших до нас диалогах «Повести временных лет» летописец в лицах рассказывает историческое событие, оживляет диалогами действие. Киевский летописец перебивает ими спокойное течение событий. Это почти интермедии, врывающиеся в торжественное и медленное изложение летописи, чтобы оживить его бытовой сценой. Иное в Новгородской летописи. Краткие и энергичные речи новгородцев редко носят характер диалогов. Почти всегда это монолог: объявление о том или ином решении князя или веча. Этим обусловлен их декларативный, почти «программный» характер: «показаша путь новгородци князю Всеволоду: не хотим тебе; пойдн, камо хочешн» (1221), или: «новгородци же кланяхутся ему: не ходн, княже» (1222). Летописец вводит монолог для мотивировки действий веча, посадника или князя. Прямая речь нередко раскрывает в летописи побуждения поступков, их скрытые причины, на объяснения которых, как мы уже видели, так скуп новгородский летописец. Это придает прямой речи в новгородской летописи исключительно важное значение. Прямая речь помогает летописцу изложить мотивы тех или иных действий князя и веча, не нарушая своего скептического и слегка иронического отношения к происходящему: в прямой речи он дает читателю как бы «документ», по которому он сам может судить о закулисной стороне событий. Объективно-документальный характер прямой речи в новгородской летописи подтверждается сходством ее с документальным языком новгородских грамот, которые нередко облечены в сходную с прямой речью летописи форму обращения к князю, к вечу и т. д.: «на семь, княже, целуи хръст к всему Новугороду, на чем целовали деди и отець твои Ярослав: Новгород ти държати в старине, по пошлнне. Что волостни новгородьских — тех волостни, княже, не държати ти своими мужи — държати мужи новгородьскими, а дар, княже, тебе имети от тех волостни, а бес посадника ти, княже, суда не судити, ни волостни роздавати, ни грамот даяти; а без вины мужа волости не лишити ти» и т. д. Эта довольно типичная формула договорных грамот новгородцев со своими князьями (писана в 1304—1305 гг.) близко напоминает обычные в лето-

писи приглашения новгородцами своих князей: «поеди к нам, забожнице отложи, судье по волости не слати; на всей воли нашей и на вьсех грамотах Ярославлих ти нашъ князь; или ты себе, а мы себе» (1228). Возможно, что некоторые из речей Новгородской летописи оказались заимствованными непосредственно из документов: посылая к князю, новгородцы снабжали своих посланцев грамотами, выдержки из которых могли затем попасть в летопись.

Еще одно жизненное обстоятельство отразилось в речах новгородцев — язык веча. Несомненно, что вече выработало какие-то свои формы обращения к толпе, умение сжато и энергично выразить политическую программу, в легко доступной и легко запоминающейся формуле. Такова, например, знаменитая речь посадника Твердислава на Новгородском вече, с легкой руки С. М. Соловьева неоднократно приводившаяся для характеристики лаконизма новгородской летописи: «Тому есм рад, оже вины моей нету; а вы, братье, в посадничьстве и в князех [вольны]» (1218).

Не только лаконизм, но и образность, почти пословичность, отличает речь Новгородской летописи. Сильна и выразительна угроза Юрия новгородским послам, которой он подкрепил свое требование выдать ряд своих недругов: «не выдадите ли, а я поил есмь коне Тьхверью, а еще Волховомь напою», и ответ новгородцев князю: «княже! кланяемьтися; а братьи своей не выдаваем, а крѣви не проливай; паки ли твой мець, а наше головы» (1225); или речь того же Юрия на вече: «не хочу у вас княжити, иду Цьрнигову; гость к мне пускайте; а яко земля ваша, тако земля моя». Характерный признак этих речей составляет антитеза: «мы себе, а ты себе»; «твой мець, а наше головы»; «яко земля ваша, тако земля моя» и т. д. По этому же принципу антитезы построена и другая речь Твердислава, который, посмотрев на св. Софию, сказал: «даже буду виноват, да буду мертв; буду ли прав, а ты ми оправи. Господи» (1218).¹

Дух новгородского веча, умение задеть чувствительные стороны толпы, легко воспринимаемая поговорочная форма, в задачу которой входило привлечь сторонников и объединить их крылатой формулой, — все это составляет характерную черту прямой речи в Новгородской летописи.

На всем протяжении XIII—XIV вв. Новгородскую летопись характеризуют крепкое бытовое просторечие и разговорные обороты языка, которые придают ей тот характер демократичности, которого мы не встречаем затем в московском летописании, ни перед тем — в южном. Летописец говорит о неприятеле, что они разбежались, «куды кто видя» (1228); архиепископа Антония, рассказывает он, выпроводили из пределов города «пьяюще за ворот» (1228), а Ольгерд обвинял новгородцев в том, что один из посадников «лаял» его и называл «псом». Летописец рассказывает, что, во время погрома Торжка тверичами, они «одираху и до последние наготы, рекше и до срачицы» добрых жен и девиц, так, что те «от срамоты и истопошася в воде» и т. д. Новгородская летопись сохраняет некоторые местные фонетические особенности и областные выражения, еще и до сих пор бытующие на Севере как диалектизмы («гора» — в значении берег, материк; «повалить» в значении лечь и т. д.).

Все это вместе придает новгородским летописям тот характер до-

¹ Эта же форма антитезы выражена и в новгородских договорных грамотах, например: „что новгородцев, то новгородьцем, а что пошло князю а то княже“, или — „кто купець, тот в сто, а кто смерд, а тот потягнетъ в свои погост“, или — „а кто речеть суд, а тому суд...“ и т. д.

машности, непосредственности, непритязательности и деловитости, который вообще выделяет новгородскую литературу из литератур других областей. На этом общем фоне в Новгородской летописи особенно острой и значительной кажется одна деталь: ее исключительное внимание ко всему, что касается искусства. Новгородские летописи донесли до нас почти без исключений все события, так или иначе связанные с произведениями архитектуры и монументальной живописи: построение церквей, закладку сводов, переделку кровли, куполов, росписи внутренние и внешние, построение палат, пожары церквей, побелку стен и т. д. Все эти мелкие, казалось бы, факты нашли себе отражение в Новгородской летописи, наряду с важнейшими событиями политической жизни Новгорода. Археологические исследования показали, насколько точными и полными являются в этой части сообщения Новгородской летописи.

2. Путешествия

В проявлении интереса к произведениям искусства новгородские путешествия XIV в. разительны схожи с новгородскими летописями.

В XIII в. хождения русских людей в Палестину и Византию оказались сильно затрудненными. Монголы наводнили русские степи и закрыли доступ на юг. Лишь с начала XIV в. возобновились деятельные сношения Руси с Афоном и Константинополем. Хождения шли, главным образом, из Новгорода.

Главное, что притягивало внимание новгородцев в Константинополе, было начавшееся при Палеологах возрождение византийского искусства. Константинополь издавна славился исключительным богатством памятников искусства. В начале XIII в. Константинополь был городом величественных храмов, монументальных общественных построек, грандиозных дворцов. Сюда были в разное время свезены произведения из Египта (obelisk около Гипподрома), из Дельф (бронзовая змеинная колонна — одна из подставок грандиозного треножника, сооруженного в V в. до н. э. союзными греческими государствами в память победы при Платее), из Италии, Малой Азии и т. д. Все это поддерживало в Константинополе ту атмосферу искусства, в которой жил этот город до завоевания его турками. В XIV в. Константинополь оказывает сильное влияние на новгородское искусство. Далеко не случайно, что русские паломники прежде всего отмечают в Царьграде памятники искусства и делают это настолько тщательно, что представляют собой в настоящее время не малую помощь в археологическом исследовании Константинополя.

В отличие от предшествующих хождений XI—XII вв. (например, новгородца Антония), в XIV в. хождения в Царьград впервые приобретают характер путеводителей, в которые оказывается внесенным большинство из наиболее замечательных произведений монументального искусства Константинополя. Путешественники-новгородцы отмечают прежде всего наиболее значительные здания, памятники, те или иные предметы искусства и религиозные достопримечательности.

К середине XIV в. (1348—1349) относится Хождение в Царьград Стефана Новгородца. Стефан пришел в Константинополь не один, а с «друзья осемью». Кто были эти «друзья», мы не знаем, так же как не знаем и цели, с которой приходил Стефан: был ли он торговым человеком или приходил по делам новгородской церкви. Стефан сосредоточивается на описании города и если иногда заставляет читателя в этом описании следить за маршрутом своего путешествия, то только для того, чтобы

придать своему описанию большую наглядность. Приехал он, повидимому, кораблем, так как первое, что привлекло его внимание в Константинополе, был издалика видный с моря колосс Юстиниана: «Ту стоять столп чуден вельми толстотою и высотой и красотою, из далеча с моря видети его, и на верх его седить Иустиниан Великы на коне вельми чуден, аки жив, в доспехе сороцинском, грозно видети его, а в руце — яблоко злато велико, а в яблоце крест, а в правую руку от себе простер буино на полъдни в Сороциньскую землю к Иерусалиму».

Наиболее подробно Стефаном была осмотрена центральная часть города, где было больше всего памятников искусства. Значительная часть отмеченных Стефаном построек восстанавливается на основании археологических и исторических данных.

Стефан описывает знаменитые колонны Софийского храма, отмечает статую Христа в «новой» базилике, колонну Константина Великого, описывает украшения и художественную утварь храмов. При этом Стефан прежде всего всюду обращает внимание на то, что отсутствовало у него на родине и что было для него самым необычным: скульптуру, колонны, портики и т. д., и тем самым вводит читателя в атмосферу иностранного города.

Особенно любовно описывает Стефан мрамор. Этот великолепный строительный материал не мог не привлечь внимания настоящего новгородца, родной город которого издавна славился своим строительным искусством. Стефан отмечает твердость мрамора, так разительно отличавшегося от рыхлых новгородских известняков, и всюду описывает его цвет: красный, багряный, черный, с прожилками (дятлен) и т. д. Стефан обращает внимание на отличие византийских икон в церкви Студийского монастыря от новгородских: «иконы в нем, аки солнце, сияють, вельми украшены златом», отмечает мозаику в монастыре Спаса и т. д.

Кроме религиозных достопримечательностей (в проявлении интереса к последним Стефан мало чем отличается от своих предшественников) и предметов искусства, поразила Стефана в Константинополе гавань с решетчатыми воротами, которыми «море введено внутрь города», «и коли бывает рать с моря, и ту держат корабли и катарги до треусот». Стефан описывает катарги — военные суда в 200 и 300 весел: «в тех судех по морю рать ходить; а оже будет ветер, а ини бежат и гонят, а корабль стоит — погодия ждеть». Гавань Константинополя — Золотой Рог — действительно одна из лучших в Европе, и восхищение Стефана, жителя портового города, высоко оценившего ее замечательные качества, не удивительно.

Знакомство Стефана с Константинополем почти не коснулось других сторон города. Он не описал ни его быта, ни его торговли, ни управления, ни словом не обмолвился об его населении. Один только раз привлекают внимание Стефана местные обычаи — в описании монастыря Феодосии, куда каждую среду и пятницу стекались толпы больных для исцеления.

Намек на те условия, в которых протекал осмотр им города, можно видеть лишь в заключительных, обобщающих строках Хождения: «а в Царьград аки в дуброву велику внити: без добра вожа не возможно ходити». К этому Стефан прибавляет: «скупю или убого не можеша видети ни целовати ни единого святого, разве на праздники которого святого будет, тоже видети и целовати. Оттоле поидохом к Иерусалиму». Хождения в Иерусалим не сохранилось, — возможно, что оно и не было написано. И то и другое — не случайно. Иерусалим мог заинтересовать новгородцев

лишь своими религиозными достопримечательностями, но ни с точки зрения новгородской церковной политики, ни как сосредоточение произведений искусств Иерусалим не имел для новгородцев той притягательной силы, которую обладал Константинополь.

Хождение Стефана написано просто, сжато и носит деловой, строго фактический характер. Немногие отступления от фактичности изложения отражают настроение восторга перед теми предметами искусства и религиозными реликвиями, которые ему пришлось видеть. Нигде Стефан не морализирует и не прибегает к дидактике. Вразумительность и ясность логического смысла текста заботит его прежде всего. От этого Хождение Стефана, так же как и многие литературные произведения Новгорода, прежде всего поражает своей лаконичностью и отсутствием внешней украшенности. Язык Стефана всюду прост, с некоторым налетом новгородских и отчасти псковских диалектизмов. Элемент чудесного и легендарного присутствует в Хождении лишь в умеренной степени.

Кроме Хождения Стефана Новгородца, к XIV в. относятся еще два новгородских произведения, связанные с Константинополем, в которых характер путеводаителя выражен еще более ясно. Это — Сказание о Царьграде и Беседа о святынях Царьграда. Оба эти памятника составлены не очевидцами и восходят (как это установлено М. Н. Сперанским — «Из старинной новгородской литературы XIV в.» Л., 1934) к какому-то не дошедшему до нас третьему описанию Константинополя, составленному не позднее 20-х годов XIV в. Есть основание думать, что автором этого третьего основного описания путешествия в Константинополь был Григорий Калика — будущий архиепископ новгородский Василий, написавший Послание к тверскому епископу Федору о земном рае.

Беседа о святынях Царьграда использовала материал своего источника, расположив его в форме диалога между епископом и царем. О Царьграде рассказывает епископ, царь же задает вопросы и поддерживает рассказ епископа просьбами продолжать повествование. Царь расспрашивает епископа о храме Софии, об его чине, о царе на дворе и т. д. Мало обычная в русской литературе XIV в. форма этой Беседы (как было указано Д. Ф. Кобеко)¹, возможно, заимствована из Византии, где диалог именно этого типа (с вопрошающим и рассказывающим), так называемый «сократический», ведет свое происхождение от античной литературы. В византийской литературе в форму диалогов облекались назидательные и догматико-апологетические рассуждения о вере. В русской литературе первый и для XI—XIV вв. единственный образец такого диалога находим в летописном рассказе о выборе Владимиром религии.

Текст Беседы дает основание предполагать, что основная цель ее составления заключалась в том, чтобы показать душеспасительность паломничества. В конце Беседы мы узнаем, что царь, убежденный епископом, одаряет его «многими честными дарми» и отправляется вместе с группой паломников в Палестину. Под царем и епископом в Беседе не имеется в виду вывести какого-либо определенного царя или епископа — это чисто условные фигуры, хотя отдельные детали заставляют предполагать, что епископ был якобы когда-то постриженником монастыря Андрея Юродивого в Константинополе. Вопросы царя составлены не без витиеватости и контрастируют с простым и деловитым описанием Константинополя в речах епископа.

Задача Сказания иная, чем Беседы. — Это путеводаитель по Кон-

¹ Известия, Отдел. русск. яз. и словесн. Акад. Наук, 1897, т. II, 3, стр. 619.

стантинополю. Все элементы автобиографического характера выброшены здесь с еще большей тщательностью, чем в Беседе, отсутствует также и дидактизм, свойственный Беседе. Цель Сказания — быть путеводителем — прямо указана в самом Сказании: «написах правоверным крестьяном на послушание. Аще кто поидет в Константинополе, в нарицаемый Царьград, на поклонение святым Страстем господним и святой Софеи (то), первое, войдя в Царьград,... пойти к святой Софеи...» Сказание всюду пользуется формами путеводителя: «оттоле пойти к Маньганом есть монастырь на праве женский во имя святя богородиця... А от Маньган на запад к Василком идя есть церковь»... и т. д.

Какие черты объединяют Беседу, Сказание и, повидимому, их недошедший источник — анонимное описание Константинополя XIV в.?

Начинаются Беседа и Сказание (а, следовательно, возможно, и их первоисточник) с описания главной достопримечательности Константинополя — Софии. Как и Стефан Новгородец, паломник проникнут уважением к памятникам искусства, восторгается остатками эллинистического Константинополя. Он описывает царский дворец Константина, знаменитый ипподром — «игрище», всюду со скорбью отмечая следы запустения и обнищания. Паломник восхищается «мовницей» царя Константина и особенно водопроводом, когда-то к ней проложенным: «и вода возведена была там и корыта аспидна, желобы были аспидные; да уже все потеряно». Паломник всюду описывает следы разрушений, причиненных памятникам искусства крестоносцами, варварски уничтожавшими и грабившими Константинополь в 1204 г.: «над морем высоко вельми поставлен столп камен, а на том столпе 4 столъпи каменных, на тых столпцех положен камен, а в том камени вырезаны псы крылаты и орли крылаты камены и бараны камены; бараном рога збиты, да и столпы обиты; то ж били фрязове, коли владели Царимградом, и иных узорочей много потеряли». Ощущение запустения и гибели произведений искусства, которое могло быть свойственно только настоящему их ценителю, сопровождает паломника на всем его пути.

Паломник, в большей мере, чем Стефан Новгородец, интересуется местными легендами и обнаруживает большой вкус к фантастическому, заноса в свое хождение типичные средневековые легенды. Так, например, описывая группу «Правосудие», паломник рассказывает, что в былые времена один из «правосудов» «право судил о поклепе, а другой о займу... да аще кто кого чем поклеплет, и он пришед да всыплет ему в руку и колько будет правых кун, только и примет, а лишняго никакоже не примет, но летят куны мимо».

В основном анонимное паломничество в Царьград начала XIV в. отличают те же черты, что и Хождение Стефана Новгородца: деловитость, сжатость и суховатая непритязательность изложения.

Характерные особенности русских описаний Константинополя половины XIV в. лучше всего вскрываются при сравнении с одновременными им западноевропейскими путешествиями. Компилятивное путешествие Мандевиля, пользовавшееся огромным успехом в течение всего средневековья, в главе, посвященной Константинополю, занято главным образом религиозными легендами с нравоучительным и назидательным смыслом. В описании самого города очень мало фактического материала и много неточностей. Значительно более точен в своих сведениях Клавихо. Лич-

ная судьба путешественника играет в описании Клавихо гораздо большую роль, чем у русских паломников. Описание носит характер почти личного дневника.

Под 1347 г. Новгородская I летопись включила в свой состав Послание архиепископа новгородского Василия к епископу тверскому Федору о земном рае. Непосредственной темой Послания послужил спор о том, существует ли на земле рай, в котором жили Адам и Ева, или материальный рай погиб и есть только рай мысленный, т. е. идеальный, неземной.

Спор этот, довольно типичный для средневековья, касался одной из основ религиозного мировоззрения той эпохи. Несториане и яковиты, сторонники прямого и непосредственного понимания библейской истории, как реально существовавшей, верили в материальный рай на земле, доступ в который крайне затруднен для людей, но возможен. В этом споре глава новгородской церкви Василий становится на одну точку зрения с «еретиками» несторианами и яковитами, что рай Адама и Евы существует, не погиб, — и отказывается понимать его как «мысленный».

Василий пишет в Послании к епископу тверскому Федору, что, услышав распрю «бывшую в вас о оном честном раю», он решил следовать примеру апостолов, которые «беспреданно послание творяху друг к другу». Далее в своем Послании Василий приводит свидетельство о том, что рай до сих пор еще существует на Востоке. В своей аргументации Василий не прибегает к богословским доказательствам, ссылаясь лишь на непосредственные указания священного Писания и очевидцев. В широкой степени использует Василий апокрифические сказания и местные иерусалимские легенды. Василий сам ходил в Иерусалим, был «самовидцем» тех мест и много слышал в своих странствованиях.

Василий определяет место существования земного рая: «В Паремии же именуется 4 реки, идут из рая: Тигр, Нил, Фисон, Ефрат со востока. Нил же под Египтом... течет же с высоких гор, яже суть от земли и до небеси, а место непроходимо есть человеком, а верху его Рахмане живут». О блаженных рахманах, которые живут близ рая не трудясь, одеваются «листвием садовым» и питаются «от древес овощами», Василий знал очевидно из широко распространенных в средневековой русской литературе космографий, хронографов, Александрии и особенно из апокрифического жития пустыльника Зосимы. В другом месте Василий прямо ссылается на апокрифические произведения о рае — жития Макария Римского и Ефросима. Характерно для умонастроений новгородцев XIV в., что устроенные Василием медные врата новгородской Софии несут на себе изображение апокрифического Китовраса. Апокрифы пользовались, повидимому, в Новгороде, не малой популярностью.

Далее Василий высказывает мысль, что все созданное в мире богом не может погибнуть: «ни едино же, брате, дело божие тленно есть; но вся дела божия нетленна суть». В пользу этой мысли Василий ссылается на местные палестинские легенды: «Самовидец есмь сему, брате. Егда Христос идыи в Иерусалим на страсть вольную, и затвори своима рукама врата градная: и до сего дни неотворими суть. А егда постися Христос за Ерданом, своима очима видел есмь постницу его, и стофиник Христос насадил: не движими суть и донине, не погибли, ни погнили». Ход мыслей Василия, очевидно, таков: рай тоже сотворен богом, следовательно и он «ни погибл и ни погнил».

Наибольший интерес имеют в Послании ссылки на свидетельства моряков-новгородцев. В обширном портовом городе Новгороде, очевидно, много ходило всяких рассказов о дальних странах. В Повести временных лет и в Ипатьевской летописи есть несколько рассказов о дальних полных землях, где небо сходится с землею, о Югре, которые рассказывали летописцам новгородцы Гюрята Рогович и др. «Тоже, брате, — пишет Василий, — не речено богом видети святого рая человеком, а муки и ныне суть на западе. Много детей моих новгородцев видоки тому: на дышущем море червь неусыпающий, скрежет зубный и река молненная Морг, и что вода входит в преисподняя и паки исходит трижды днем». «Дышущим» морем и до сих пор население Севера зовет Северный Ледовитый океан. Приливы и отливы еще не так давно, в XIX в., объяснялись поморами тем, что вода входит и выходит из преисподней.

Сказания о реке на море встречаются, как указано А. Н. Веселовским, в одном из ирландских хождений за море XII в. Среди моря на острове путники увидели большую реку, которая, как радуга, поднималась над островом. Путники прошли под рекой и стрелами убили над собой много рыб, которые падали к ним сверху. От вечера субботы и до понедельника река покоилась на море.

Видели новгородцы не только ад на западе, но и рай на востоке. «Видоками» тех мест были новгородцы Моислав и Яков. Еще «нынча», — пишет Василий, — этих видоков «дети внучата добри-здорови». Путешествие Моислава и Якова описано с чертами реальности. Новгородцы плыли на трех юмах; одна из них погибла, две другие «долго носило море ветром» и принесло их к высоким горам. Новгородцев поразила «многочастный» и «самосиянный» свет, «светлуясь паче солнца». «А на горах тех ликования многа слышахуть, и веселия гласы вещающа». Новгородцы послали одного из своих спутников посмотреть, что за горой. Посланный взошел «по щегле [мачте] на гору ту», всплеснул руками, засмеялся и побежал на звуки ликования. Новгородцы удивились и послали другого, но и тот «также створи, нимало возвратися к своим, но с великою радостью побеже от них». Новгородцы послали третьего, привязав его «ужищем» за ногу. Третий также бросился было бежать, всплеснув руками, «в радости забыв ужища на нозе своей». Новгородцы сдернули его за веревку с горы, «и в том часе обретеса мертв». Испуганные новгородцы «побегоша вспять», не видав ни неизреченной светлости райской, ни ликования, ни веселия.

В русской переводной литературе ближайшее отношение к этому рассказу о рае имеет апокрифическое сказание «О св. Агапии и о рае», заключающееся в Успенском сборнике (см. т. I, стр. 82).

Расположение загробного мира — ада, рая, островов блаженных — среди моря довольно обычно в античной мифологии. Норвежцы приурочивали местонахождение рая к Шемаханскому острову на Белом море.

Интересные западноевропейские параллели к рассказу Василия приведены акад. А. Н. Веселовским.¹ Некоторые из мотивов рассказа Василия встречаются в западноевропейских легендах о путешественниках, нашедших на краю земли рай: странники, которые, увидев рай, всплескивают руками, улыбаются и уходят в него безвозвратно, веревка, за которую одного из них удаётся притянуть обратно, и др.

Одна из деталей делает рассказ Василия о моряках, нашедших рай, типично новгородским. Горы, стеной отделяющие рай со стороны моря,

¹ Сборник Отдел. русск. яз. и словесн. Акад. Наук, т. 53.

несут на себе изображение деисуса: «написан деисус лазорем чудным и вельми издивлен паче меры, яко не человеческими руками творен, но божнею благодатию». Деисус, т. е. живописная композиция из четного числа «предстоящих» перед «вседержителем», — одна из центральных тем храмовых росписей. Лазорь — синяя, привозная очень дорогая краска, к которой новгородцы чувствовали в XIV в. особое пристрастие.

Вкус новгородцев к монументальной живописи, в которой они были так сильны в XIV в., сказался здесь в полной мере. Фантазия новгородцев клонилась к тому, чтобы и горы украсить фресками, написав их драгоценнейшим лазорем, которого в действительности едва хватало на миниатюры. Гора среди моря, исписанная грандиозным изображением деисуса, — так выглядела в представлении новгородцев ограда рая.

3. Жития

В XIII в. возникают первые новгородские жития святых, включенные в Новгороде в состав Прологов. Новгородцы создают почитание некоторых из своих наиболее выдающихся деятелей и приравнивают их к святым задолго до их официальной канонизации православной церковью.¹ Некоторые из этих почитаемых в Новгороде епископов, князей и игуменов так и остались не канонизованными, не признаваемыми нигде вне пределов города.

Состав и характер стиля первых новгородских житий не позволяет говорить об отражении в них каких-либо особенностей литературной манеры Новгорода. Стиль этих житий приноровлен к типу переводных проложных житий — деловито кратких и лапидарных. Проложное житие новгородского святого Варлаама Хутынского (дошедшее в составе Четых-Миней митрополита Макария) во всем следует этому стилю. Некоторые известия его изложены в настолько краткой форме, что могли быть поняты только тем читателем, у которого в памяти были еще свежи названные лица и события. Это — несомненные свидетельства того, что краткая редакция составлялась еще в те времена, когда память об упоминаемых лицах была свежа в Новгороде. Тем не менее в житии нашли себе место некоторые «общие места» житийного трафарета. Варлаам «родися от верну родителю крестьяну»; в детстве Варлаам «на игры с уными человеки не изволи изити», а в пустыне не давал «сна очима своим, борясь с бесы», и т. д. Замечательно, что житие это свободно еще от тех легенд и чудес, которыми впоследствии было окружено имя Варлаама и которые вошли затем даже в состав летописи.

Еще короче житие епископа Аркадия. В житии Аркадия сообщены почти с краткостью надгробной надписи некоторые реальные черты жизни Аркадия, чудесный же и легендарный элемент отсутствует вовсе. Самый ранний список этого жития сохранился в новгородском пергаменном Прологе середины XIV в.

¹ Так, например, новгородский епископ Аркадий, почитание которого, повидимому, установилось еще в XIII в., был канонизован только после собора 1549 г.; Варлаам Хутынский, местное празднование которого проводилось в конце XIII в., канонизован во второй половине XIV в., и т. д.